

Новая девочка

Александра Шанкун

18+

Александра Шапкун

Новая девочка

«Автор»

2026

Шапкун А. С.

Новая девочка / А. С. Шапкун — «Автор», 2026

«Новая девочка» - повесть о первой любви, которая не делится на двоих, и о дружбе, которая ломается, чтобы собраться заново. Мир Игоря уместается в прямоугольник видеоискателя. Он снимает пылинки в солнечном луче, пустые скамейки и старые дома - и не замечает, как за его спиной рушится привычное: в класс приходит София. Денис, его друг с десяти лет, действует быстро и громко: лайки, мемы, «случайные» встречи у буфета, банки энергетика. Игорь действует тихо: подкладывает на парту раритетный журнал, отправляет ссылку на песню без комментария, снимает её украдкой и печатает один-единственный кадр под красным фонарём фотолаборатории. Они не сговариваются. Они просто включаются в режим - как два солдата, увидевшие одну высоту. И не замечают, что София давно перестала быть «высотой». Она - человек, который видит их насквозь: одного - завоевателем, другого - призраком. Война, которую никто не объявлял, закончится разрывом, зимой, разбитой камерой в маслянистой луже - и первым взрослым выбором.

© Шапкун А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПЫЛЬЦА И ПЫЛЬ	6
1. ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. ПОСЛЕ УРОКОВ.	9
2. ТАКТИКИ. ОКТЯБРЬ.	11
3. ИНФОРМАТИКА. ТРЕЩИНА.	13
4. БИБЛИОТЕКА. ДЕТЕКТИВ.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Шапкун

Новая девочка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПЫЛЬЦА И ПЫЛЬ

Мир пах пылью и мелом. Это был не просто запах — это была субстанция, в которой плавали слова учительницы, жужжали мухи о стекло и медленно, со скрипом, двигалась секундная стрелка на круглых часах над доской. Третий урок. История. Война 1812 года. Меня это не касалось. Мой мир был меньше, чище и умещался в прямоугольнике видеоискателя.

Я прищурился, ловя луч. Октябрьское солнце, низкое, косое, прорезало полутемный кабинет и ложилось на лакированную крышку парты. В нем - в этом луче - танцевали пылинки. Мириады мельчайших вселенных, рожденных от тряпки для доски, от нашей старой одежды, от самого воздуха. Они были прекрасны. Я навел фокус, почувствовал привычную шершавость кольца резкости на объективе «Зенита». Мой, с черным скотчем на треснувшем корпусе. Дедовский. Он весил в руке как живой, как продолжение ладони. Щелчок был тихим, почти стыдным — признанием в любви к чему-то мимолетному, чего никто, кроме меня, не видел.

В кармане завибрировал телефон. Денис. «После школы в гараж? У Васи новая приставка, гоним в Battlefield. И чипсы есть. Московский картофель».

Я ухмыльнулся про себя. «Московский картофель» — наш давний код. Не потому что любили эти чипсы, а потому что в седьмом классе Денис, отчаянно пытаясь казаться взрослее, купил пачку, сказав: «Настоящий московский картофель, братан». С тех пор это стало нашим «преклонным». Ритуалом.

«Ага», — отписал я.

Гараж, Вася, чипсы, грохот виртуальных взрывов. План на вечер. План на жизнь, казалось бы. Десять лет дружбы — это не срок, это пейзаж. Ты перестаешь его замечать, как стены своей комнаты. Ты просто знаешь, что они есть. Денис был моей стеной. Шумной, надежной, иногда невыносимой. Мы были Игорем и Денисом. Слитно. Как «хлеб и соль». Как «щетка и паста».

Учительница что-то говорила про Бородино. Я открыл блокнот, прикрывавший учебник. На развороте были вклеены кадры из «Сталкера» — кадры зоны, залитой желтым светом, полной тишины и ожидания чуда. Мой личный зов. Потом — строка из Цветаевой, выведенная моим корявым почерком: «Писала я на аспидной доске...» И фотография деда — молодого, в гимнастерке, с «Лейкой» на груди. Он смотрел на меня с пожелтевшего фото, и я чувствовал его взгляд даже здесь, на третьем уроке. Он снимал парад Победы. Говорил: «Игорек, главное — не салют. Главное — лицо старого сержанта, который смотрит на небо и видит там не вспышки, а лица своих ребят. Лови дыхание события. Паузу. Тишину между выкриками».

Я ловил пыль. Это все, что было в моем распоряжении. И это было честно.

Дверь в класс открылась резко, с привычным для Анны Петровны, нашей завучи, напором. Она входила в кабинеты всегда так, будто брала штурмом баррикаду.

— Внимание, класс! Прерву ненадолго. У нас пополнение.

Она сделала шаг в сторону, пропуская вперед. И в дверном проеме возникла она.

Она не вошла. Она возникла. Как смена декораций в середине акта.

На ней не было формы. Это первое, что ударило по мозгам, привыкшим к единообразию синих пиджаков и белых блузок. Рыжие волосы, цвета осенней рыжей глины, были собраны в небрежный пучок на затылке. Из него выбивались пряди, падавшие на шею. Широкие льняные брюки, будто сшитые не для школы, а для бродяжничества по пустыням или мастерским. Массивные черные ботинки на толстой подошве. И в руках — не ранец, а потрепанная папка цвета хаки и книга. Мой взгляд, за десятилетия дружбы с Денисом натренированный на моментальную оценку «уровня», зафиксировал детали, но тут же споткнулся. Это был не «уровень». Это был другой код. Чужой.

Анна Петровна откашлялась.

— Встречайте. София. Перевелась к нам из школы в Питере. Будьте добры, помогите влиться.

Она говорила это, глядя поверх наших голов. София же стояла, слегка отведя плечо назад, как будто готовая в любой момент развернуться и уйти. Ее взгляд скользнул по рядам парт. Не любопытный, не робкий. Оценивающий. Как будто она читала список действующих лиц и мысленно ставила галочки: «стереотипный хулиган», «зубрила», «тихоня», «душа компании». Я поймал ее взгляд на секунду. Он был светлым, серо-зеленым, как мох на северном камне. И абсолютно пустым от какого-либо желания понравиться.

Потом я увидел компас. Серебряную подвеску на тонкой цепочке. Она лежала у нее в яремной ямке, чуть выше ворота простой черной футболки. Стрелка компаса была крошечной, но мне показалось, что она указывает не на север, а куда-то внутрь, в самое нутро этого странного, молчаливого существа.

— Садись, София... вот, пожалуйста, за эту парту.

Рука Анны Петровны указала на единственное свободное место. Рядом со мной. По другую сторону узкого прохода сидел Денис.

Время, которое до этого текло, как густой мед, вдруг застыло, треснуло и посыпалось осколками. Я почувствовал физически, как по моей спине пробежал взгляд Дениса. Горячий, сфокусированный, как луч лазера. Он медленно перевел его с Софии на меня. Я, против воли, повернул голову.

Наши глаза встретились. Десять лет дружбы — это еще и десять лет беззвучных диалогов. Язык взглядов, который понимали только мы.

Его глаза, широко распахнутые, горели чистым, необузданным азартом. «Ничего себе. Смотри-ка. Моя?»

Мой взгляд, сам того не желая, стал щитом, крепостью. «Нет. Не твоя. Не трогай».

И где-то в глубине, в самом центре этого молниеносного обмена, вспыхнула и тут же погасла общая искра тревоги. «Проблема. Война».

София прошла между рядами. Ее ботинки стучали по линолеуму глухо, весомо. Она села, положила папку на парту, а книгу — рядом. Корешком ко мне. Я прочел: Аркадий и Борис Стругацкие. «Трудно быть богом».

От нее пахло. Не духами, не шампунем. Чем-то холодным и далеким. Мокрым камнем. Осенним ветром с Невы. Чужим городом.

Денис еле слышно присвистнул, тут же прикрывшись кашлем. Учительница снова завела свою пластинку про Бородино. Но воздух в классе уже был другим. Его разрезали невидимые линии напряжения. От нее — к нам. Между нами.

Я осторожно опустил взгляд на свой «Зенит». В видеоискателе еще жил тот самый луч с пылинками. Но теперь он казался не прекрасным, а жалким. Игрушкой. Я только что снимал пыль, пока в мою жизнь вошло землетрясение.

И тихо, под шум голоса учительницы, щелкнул затвором еще раз. Наугад. Просто чтобы зафиксировать этот «момент после». Тишину перед выкриком. Дыхание новой, непонятой, пугающей реальности.

Оно началось.

1. ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. ПОСЛЕ УРОКОВ.

Воздух стал жидким и золотым, как липовый мед. Солнце висело низко, бросая длинные, гротескные тени от голых деревьев. Под ногами хрустели листья — сухие, лакированные первым заморозком. Этот хруст был единственным звуком в нашем молчании.

Мы вышли вместе, я и Денис. По привычке. Но между нами лежала невидимая стена. Он шел, засунув руки в карманы модной куртки, подбородок задран. Его взгляд метался по двору, выискивая цель. Моя цель была одна — дойти до гаража, где можно будет спрятаться от этого нового, неудобного напряжения.

И тогда мы увидели ее.

Она стояла у чугунных ворот школы, спиной к нам, уткнувшись в телефон. Осанка у нее была странной — не сутулой, но неготовой. Плечи слегка сведены, как у птицы, попавшей в стекло. Рыжий пучок под лучами солнца горел, как отдельный источник света.

Денис замер на секунду. Я видел, как его спина выпрямилась, как хищник перед прыжком. И он рванул.

— Эй, новенькая!

Он несся к ней широкими, уверенными шагами, улыбка уже играла на его лице — белая, открытая, безоружная. Оружие.

Я поплелся следом, как тень. Не хотел, но ноги несли сами. Что-то щемящее и гадкое копошилось в животе.

— Заблудилась? — Денис уже был рядом, его голос звенел фальшивой, слишком громкой бодростью. — Я, Денис, тут все тропинки исходил. Покажу столовую, если хочешь. Там сегодня, по-моему, сосиски в тесте. Не шедевр, но с голоду не помрешь.

София медленно подняла на него глаза. Взгляд был не испуганный, не заинтересованный. Скучающий. Как будто она видела таких Денисов тысячу раз и уже заранее знала весь их текст.

Я подошел ближе, в зону видимости. Мое присутствие было неловким, лишним.

— Там... — мой голос прозвучал сипло, я прочистил горло. — Там всегда длинная очередь. Лучше в буфет, если голодная.

Она перевела взгляд на меня. На секунду в ее глазах что-то дрогнуло. Не улыбка, а ее тень. Легкое понимание. Будто она увидела не второго парня, а альтернативу. Тишину после его громких слов.

— Спасибо, парни, — сказала она. Голос был ниже, чем я ожидал. Спокойный, без интонационных игр. — Но я, кажется, разберусь сама.

Она повернулась и пошла. Не от нас, а просто в сторону. Ее ботинки четко отбивали шаг по асфальту. Тук. Тук. Тук. Этот ритм заглушал стук моего сердца.

Денис выдохнул с фырканием.

— Ну и ну. Снежная королева, блин.

Он был раздражен. Не отвергнут — проигнорирован. Для него это было хуже.

Я не слышал его. Мои руки сами потянулись к «Зениту». Я поднял его, почти не глядя в видоискатель. Кадр построился сам: ее уходящая спина, рыжий шар волос, чуть ссутуленные плечи. И на переднем плане, в левом нижнем углу кадра, профиль Дениса. Его лицо, на котором растерянность боролась с обидой, а обида — с азартом нового вызова.

Щелчок.

Первый выстрел в войну, которую никто не объявлял. Первый трофей — не ее образ, а наша собственная растерянность, пойманная в границы кадра.

— Чего уставился? — буркнул Денис, заметив мое движение.

— Ничего. Ловлю свет, — соврал я, опуская камеру.

— Свет, — передразнил он, но без злобы. С оттенком старой, привычной снисходительности. — Ладно, пошли. Вася ждет.

Мы пошли к выходу со двора, но уже не вместе. Между нами зияла шаговая дистанция, наполненная образом рыжих волос и звуком тяжелых ботинок.

2. ТАКТИКИ. ОКТЯБРЬ.

Война объявлена не была, но мобилизация прошла мгновенно и тотально. Мы не стоварились. Не обсуждали. Просто включились в режим, как два солдата разных родов войск, увидевшие одну высоту.

Линия Дениса была фронтальной, громкой, ослепляющей.

В тот же вечер она материализовалась во всех наших чатах в Telegram. «Класс 11-Б», «Гуляем??», «Мемы на злобу». Денис был администратором. Он просто добавил ее. Без вопросов. Первой в чате «Гуляем??» всплыла его гифка с танцующим котиком и подписью: «Всем сюда! Новенькую нужно посвятить в наши дикие порядки!» Потом пошли личные сообщения. Неуклюжие, но настойчивые. Мемы про школу. Вопросы: «Как тебе наш медведь-учитель по физике?» Встречи «случайно» у буфета. Он изучал ее Instagram как разведчик — нашел старые фото, лайкнул все подряд, даже снимок пятилетней Софии с мороженым на набережной. Оставил комментарий: «Классное мороженое! В Питере, да? Угадал?» Он создавал иллюзию близости из ничего, из пылинок чужого прошлого.

Однажды после физкультуры он «случайно» купил две бутылки «Rich». Подошел к ней, пока она завязывала шнурки на тех самых ботинках.

— На, — протянул одну, сверкая улыбкой. — Бери, я не жадный.

Она посмотрела на бутылку, потом на него. Взяла. Кивнула. Не сказала «спасибо». Выпила пару глотков и поставила на скамейку. Ушла. Бутылка так и осталась стоять, почти полная, конденсатом стекая на лавку. Денис потом долго смотрел на нее, прежде чем выбросить.

Он звал ее «со всеми» в ТРЦ на новых «Мстителей». «Все» — это он, я, Вася и пара девчонок из класса для антуража. Она пришла. Сидела в кинозале между нами, но смотрела не на экран, а куда-то в пространство перед собой, будто видела там другой, более интересный фильм. Денис весь сеанс пытался шептать комментарии, шутить. Она улыбалась уголком губ, вежливо, и снова устремляла взгляд в никуда. После кино он предложил всем походить по магазинам. Она сказала: «Мне нужно домой. Работа». И ушла. Денис остался стоять с нами, лицо его было каменным. Вася неуместно хохотнул: «Ну ты и впарил, Денка!»

Моя линия была окопной, тихой, минной.

Я наблюдал. Это было единственное, что я умел делать хорошо. На второй день я увидел, что на перемене она достала из папки не учебник, а тоненькую книжку в серой обложке. Довлатов. «Чемодан».

На третью перемену я «забыл» на ее парте журнал. Непростой. «Новый мир», номер за 1990 год, с пожелтевшими страницами и той самой атмосферой надежды и распада, которую можно было понюхать, как пыль. Я нашел его у деда в кладовке. Никакой записки. Просто положил, когда она вышла. Вернувшись, она села, увидела журнал. Взяла в руки. Перелистала. Ее взгляд на секунду задержался на оглавлении. Потом она положила журнал в папку, никому не показав. Но в конце урока, собирая вещи, она посмотрела прямо на меня. Взгляд был не благодарным, а оценивающим. Как будто я сделал первый осмысленный ход в игре, правила которой ей одной известны. Я опустил глаза.

Вечером того же дня я нашел в VK ее страницу. Закрытую. Фото мало. Одно из них — вид из окна на крыши Питера, в дождливый день. Я слушал музыку, и в рекомендациях «Яндекс.Музыки» вдруг выскочил трек — «Серебряные нити» группы «Перемотка». Питерский инди-фолк. Меланхоличный, как осенний туман. Я скинул ссылку ей в личку. Без комментария. Без вопросительного знака. Просто синяя ссылка в пустом окне чата. Она не прочитала. Вернее, прочитала — статус «прочитано» появился через час. Ответа не было. Но на следующий день я увидел у нее в ушах белые проводные наушники (не беспроводные, как у всех), и мне показалось, я уловил знакомую гитарную переборку. Может, показалось.

А еще я стал ее теневым летописцем. Не преследователем. Наблюдателем. Я снимал ее, когда она этого не видела. Через окно класса — ее профиль на фоне осеннего неба, когда она смотрела в окно, подперев щеку рукой. В библиотеке — как она выбирала книгу, проводя пальцем по корешкам, будто читая шрифт Брайля. Я не печатал эти снимки. Они жили в цифровом небытии моего компьютера, в папке «Заготовки». Один кадр я все же напечатал. Тот самый, из библиотеки, где свет лампы падал на ее волосы и страницу книги. Я проявил его в школьной фотолаборатории, в полной темноте, под красный фонарь, вдыхая едкий запас проявителя. Это был ритуал. Назвал снимок «Шепот света». Спрятал в блокнот между кадрами из «Сталкера».

Мы не пересекались. Мы не говорили. Но война шла на уровне атомов, на уровне взглядов, брошенных украдкой, на уровне тишины, которая была громче любых слов Дениса.

Однажды на химии нас посадили делать лабораторную вместе. Случайность? Воля учительницы? Не знаю.

Мы, молча, переливали жидкости из колбы в колбу. Запах аммиака щипал глаза.

— Ты из Питера? — спросил я, не глядя на нее, сосредоточившись на мензурке.

— Да.

— Скучаешь?

Она помолчала.

— Скучаю по дождю. Здесь он какой-то... сухой.

Я кивнул, хотя не понял, как дождь может быть сухим.

— А журнал... — она начала.

Я вздрогнул.

— ... журнал интересный. Где нашел?

— У деда, — выдохнул я. — Он коллекционер.

— Повезло, — просто сказала она. И все. Больше мы не разговаривали. Но когда я нечаянно коснулся ее руки, передавая пробирку, она не отдернула ладонь. Кожа была прохладной.

Денис видел этот момент с другой парты. Видел, как мы стоим рядом у лабораторного стола, в нашем маленьком мирке из стекла и химикатов. Его лицо было непроницаемым. Но после урока он прошел мимо меня, толкнув плечом. Не сильно. Но достаточно.

Трещина прошла не между нами. Она прошла сквозь меня. С каждым днем я чувствовал, как два магнита тянут меня в разные стороны. Старая, шумная, простая сила Дениса. И новая, тихая, необъяснимая гравитация Софии. Я боялся, что разорвусь посередине, так и не сделав выбора.

И выбор, как это часто бывает, был сделан за меня.

3. ИНФОРМАТИКА. ТРЕЩИНА.

Кабинет информатики пах пластмассой, пылью и тихим отчаянием. Кондиционер гудел, пытаясь охладить тридцать горящих от напряжения процессоров и тридцать пар глаз, уставленных в мониторы. На экране — интерфейс Tilda, конструктор сайтов. Задание: создать сайт-портфолио в парах. Проект на две недели. Оценка — сразу в аттестат.

Сердце, глупое предательское сердце, упало куда-то в сапоги и забилося там, глухо и быстро. Я сидел прямо за ней. Видел затылок, тонкую цепочку, прядь волос, выбившуюся из пучка и лежащую на вороте футболки. Мои ладони вспотели.

Учительница, Наталья Сергеевна, женщина с лицом усталого системного администратора, вздохнула.

— Пары по желанию. Кто с кем хочет. Записывайтесь на доске.

Тишина взорвалась гомоном. Стулья зашкрипели, голоса слились в единый гул. Я замер. Мозг кричал: «Встань! Повернись! Скажи: „София, давай вместе“». Но тело было парализовано древним, детским страхом — страхом быть отвергнутым. Не ею — миром. Страхом, что мое предложение повиснет в воздухе неловким пятном, и все обернется, и Денис засмеется.

И в этот миг, пока я воевал с собственным позвоночником, пытаясь заставить его выпрямиться, с правого фланга началась атака.

Денис вскочил так резко, что его стул с грохотом отъехал назад.

— Софь! — его голос перекрыл общий шум. Он уже стоял рядом с ее партой, опершись рукой о стол, наклонясь чуть вперед, в классической позе уверенного альфа-самца. — Давай со мной! Я в Tilda — просто монстр! У меня тут целая подборка крутых шаблонов. Сделаем за три дня, остальное время будем страдать от гениальности!

Он сиял. Сиял всеми своими двадцатью зубами, уверенностью, заразной энергией. Это был не вопрос. Это было заявление о факте.

София медленно подняла на него глаза. Ее взгляд скользнул по его сияющему лицу, потом, почти незаметно, переместился на меня. Она увидела. Увидела мое застывшее лицо, сжатые кулаки на коленях, рот, приоткрытый для слова, которое так и не сорвалось. Она прочитала мою нерешительность. Как открытую книгу с крупным шрифтом.

В ее глазах что-то промелькнуло. Не разочарование. Скорее... усталое понимание. Как будто она только что получила подтверждение давней, печальной теории о людях.

Она слегка пожала плечами, отводя взгляд от меня обратно к Денису.

— Окей, — сказала она просто, без энтузиазма, но и без протеста. — Давай.

Слово «окей» прозвучало для меня как щелчок гильотины. Чисто, быстро, безболезненно. Только через секунду пришло осознание боли.

Денис торжествующе хлопнул ладонью по столу.

— Вот это по-нашему! Будет огонь!

Он бросил на меня быстрый взгляд. Не злорадный. Победный. Как полководец, занявший высоту без единого выстрела. Он даже подмигнул. Дескать, не расстраивайся, братан, в следующий раз повезет.

Пространство вокруг меня сжалось, стало вакуумным, беззвучным. Я видел, как они вдвоем садятся рядом, как Денис начинает что-то быстро объяснять, водя пальцем по ее монитору. Видел, как она кивает, отстраненно, но уже в рамках их общего проекта.

Наталья Сергеевна подошла ко мне.

— Игорь, а ты с кем? Все уже в парах, вроде.

Я обвел взглядом класс. Везде уже сидели по двое. Кроме тихой Маши из нашего класса, которая смотрела на свой монитор, покрасневшими от смущения глазами.

— С Машей, — прошепелявил я.

Я пересел к ней. Маша, молча, кивнула, не поднимая глаз. Мы начали работать. Я кликал мышкой, выбирал шаблоны, что-то говорил тихим, ровным голосом. А внутри бушевал ад.

Это было не поражение. Поражение можно принять. Это было двойное предательство.

Предательство друга, который играл по своим громким, беззастенчивым правилам и даже не считал это игрой. Для него это была просто жизнь — увидел, захотел, взял. Он не враг. Он — Денис. И как ненавидеть часть самого себя?

И худшее — предательство самого себя. Трусость. Молчаливое согласие на второстепенную роль. Я мог. Я должен был сказать хоть что-то. Но я позволил страху сковать язык. И теперь сидел с Машей, чье портфолио было посвящено вязанию крючком и уходу за хомячками, и чувствовал, как что-то важное, хрупкое и только начавшее прорастать, безвозвратно ломается у меня внутри.

После звонка Денис хлопнул меня по плечу, проходя мимо.

— Не грусти, старик! — весело бросил он. — В следующий раз тебе достанется крутая партнерша! А мы с Софь пойдем мозги проветрим, а то тут жарко.

Он уже говорил «мы с Софь». Как о свершившемся факте.

Я не ответил. Смотрел, как они выходят из класса. Он что-то говорит, жестикулирует. Она идет рядом, слушает, глядя перед собой.

Маша тихо спросила:

— Игорь, а какой шрифт лучше выбрать для заголовка «Мои хомячки»?

Я закрыл глаза.

— Любой, Маш. Любой.

4. БИБЛИОТЕКА. ДЕТЕКТИВ.

Война затянулась, превратившись в позиционную окопную. Мы обменивались вылазками, стычками, но прорыва не было. София оставалась неприступным островом, вокруг которого бушевали наши бури.

И вот, в один из ноябрьских вечеров, случилось перемирие. Случайное. Хрупкое. От которого потом болело сильнее, чем от любой ссоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.